

Тимофей Рахманин

РУБЕЖ

«КРЫЛОВ»

Библиотека «Мужского клуба»

Тимофей Рахманин

Рубеж

«Крылов»

2026

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

Рахманин Т.

Рубеж / Т. Рахманин — «Крылов», 2026 — (Библиотека
«Мужского клуба»)

ISBN 978-5-4226-0484-5

От автора книг «Довмонт. Сказание о забытом князе», «Довмонт Псковский. Чему быть, того не миновать», «Давыд Городецкий. Сын Довмонта». Тимофей Рахманин написал сборник рассказов, заслуженно вошедших в золотой фонд российской патриотической прозы. Это рассказы про все времена и на все времена. Пронзительные и тонкие, они рассказывают о людях – простых русских людях, попавших в трагические ситуации разных войн, от времён княжеских до Великой Отечественной и СВО. Эти истории заставляют смеяться и плакать, но они точно не оставят никого равнодушными. Об авторе: прозаик, краевед, член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2019 г.), дипломант Славянского Форума искусств «Золотой Витязь» (2020 г.), член координационного совета Благотворительной унитарной некоммерческой организации «Фонд святого благоверного князя Довмонта Псковского». Председатель общественного движения «Наследие Довмонта». Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0484-5

© Рахманин Т., 2026

© Крылов, 2026

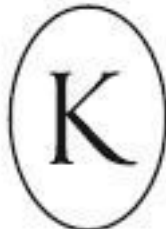
Содержание

Штыковая	7
Солдат Иван – 1942 г	11
Миша-дурачок	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тимофей Рахманин

Рубеж

Серия «Библиотека „Мужского клуба“»

www.vkrylov.ru

© Рахманин Т., 2026

© ИК «Крылов», 2026

Штыковая

Дед Семён и дед Николай были последними стариками в деревне из тех, кто прошёл войну.

Оба ушли на фронт почти мальчишками, в сорок первом. Обоим повезло – вернулись. Уходили мужики на фронт и в сорок втором, и в сорок третьем... Но самое странное, что из девятнадцати, ушедших из деревни в сорок первом, вернулись семнадцать. А из тех, кто ушёл позже, не вернулся никто. Семён и Николай часто об этом вспоминали, но чем дальше – тем меньше произносятся слов, больше вздыхая и тяжело переглядываясь...

Каждый год, на Девятое мая, под вечер, бабы выносили во двор столик, накрывали его обязательно белой праздничной скатёркой, ставили бутылочку самогонки, отварной картошечки, огурчиков, хлеба, лучка с солью и уходили, дабы не мешать старым друзьям. Старикам всегда было о чём поговорить, вспоминая былое, порой и до утра сживали. «Серьёзные разговоры» начинались обычно после третьей. Так и в этот год...

– Да-а-а... Жуков был голова...

– Да-а-а... Ток... Это потом голова... А до того – тьфу...

– Да-а-а... – опять вздохнул дед Семён. – Не он один, «до того» – сам Иосиф Виссарионыч чуть не обделавшись был!

– Может, и не совсем, конечно, так... Товарищ Сталин-то... Может, он стратегию думал!

– Может, и думал...

Молчали долго. Дед Семён закурил папиросу и налил ещё по стопочке:

– Стратегию, мать ево... А сколь сгнуло, пока он думал?!

– Да – а-а... – согласился Николай, макая луковицу в соль и с хрустом начиная жевать.

– Поначалу-то все... А потом ничё, очухались... Слышь, это, бросал бы ты дымить уже, Семён, – не молодой ить, загнёшься!

Дед Семён по привычке сплюнул на потухшую папиросу и, бросив её под стол, ловко придавил каблуком кирзового сапога.

– Дык, вилы в бок ей, заразе... Брошу. Дорого нынче курить-то... Обязательно брошу, как помру... – и стал доставать из пачки ещё одну.

– Ты чево это, Семён? – наморщил лоб Николай, почуяв неладное в настроении товарища.

– Да... – Семён отмахнулся, отвернувшись, прикурил и, сделав глубокую затяжку, выпустил большой клуб синеватого дыма.

Зная его тяжёлый характер, Николай просто молчал и ждал. Наконец, выдержав должную паузу, подлил в гранёные стопарики самогонки. Семён обернулся на звук. Выпили молча, не чокаясь. Семён поморщился, смачно занюхал корочкой чёрного хлеба, затем, взглянув на неё, немного подумал и закинул в рот. Стопки вновь поставил рядом с бутылкой.

– Ещё?! – удивился товарищ.

Семён кивнул.

– Не гони коней-то...

– Исповедаться хочу...

– Чево это?! Аль согрешил со старухой чужой? – попытался пошутить Николай.

– Говорю ж... Исповедаться...

Николай слишком давно знал Семёна, поэтому не стал ёрничать и молча налил ещё. Выпили залпом. Выдохнули.

– Хороша-а-а...

– Ты Витьку помнишь? – сухо и резко перебил Семён.

– Какова Витьку?

– Дык, мать твою ж!.. Какова, какова?.. – занервничал, передразнивая, старик. – Лидки, жёнки моей, брательника!

– А то! Он же в первых рядах из деревни ушёл... Так в сорок первом без вести... и... Того...

– Хрен вот вам всем! – неожиданно выкрикнул Семён, но, словно вдруг испугавшись собственного голоса, оглянулся по сторонам и, наклонившись к товарищу через стол, пробормотал, клацая вставными челюстями, почти шёпотом:

– Это я его... В сорок втором... – И Семён дрожащей рукой вновь стал доставать папиросу.

Обомлевший от услышанного, Николай встал с открытым ртом, снял кепку, зачем-то поднял руку, опустил и снова сел. Молчали долго, пока Семён не докурил.

– Штыковая у нас была... – начал тихо Семён, уткнувшись взглядом в землю, – подо Ржевом... Как ща всё помню... Ты ж знаешь, как меня в первом бою посекло... После того, почитай, семь месяцев по госпиталям... Кады оклемался, попал на Калининский фронт... А там такая мясорубка тогда была... Не дай Бог!.. Мы тока прибыли, а наутро наступление... Моя первая штыковая... Налей! – неожиданно резко оборвал свой рассказ Семён.

Николай молча налил. Опрокинули, словно воду.

– Представляешь... Даже курить тогда не хотелось. Руки трясутся, ноги ватные... Чего врать-то – страшно было! Ночь, немец ракетницы в небо лупит одну за другой, далёко всё видать, как днём... На поле пред нами тысячи тысяч лежат! Земли не видать под телами!.. Друг на друге лежат, кто посвежее – раздутый от жары... Кто давно убит, уже смякли... Гниют... Наши, немцы – все вперемешку! Ветерок в нашу сторону. Вонища несусветная! А мне скоро прям по ним бежать надо... Прямо по ним! Вперёд, в атаку! Ты понимаешь, Колян, я не смерти тогда боялся, а упасть посередь них!

– Ты про Витьку хотел сказать. Он же с моим братом Иваном вместе уходил, – попытался направить разговор в нужное русло Николай.

– А чё говорить-то? Как поле пробёг, даже не помню... Это потом меня наизнанку выворачивало, рвало с непривычки...

– Про Витьку с Иваном! – опять напомнил Николай. Семён кивнул, но прежде вновь наполнил стопки, и они выпили.

– Перед немецкими окопами сошлись в рукопашной... Да где там, едрёна!.. Своих, чужих – не узнать! Рожи у всех от копоти чёрные! Глаза блестят... Тока по звёздам и крестам на форме!

Помню, как первого штыком проткнул... Шинелька у их мягкая, да и сам... Я даже не глянул на него. Как учили: «раз-два», штык выдернул – и дальше... А до того, коль по правде, боялся... Всё думал, как это – штыком-то, в человека?.. И... Ты знашь, вроде как отпустило даже... Рука твёрже стала, и ноги... Бегу... А тут – он! – меня как будто за хвост кто дёрнул, силой остановил... Подымаю глаза, а предо мной... Витька стоит... Представляешь – сука, в немецкой форме! Винтовка в руках, штык – в мою сторону, и прямо в глаза смотрит...

Замолчали. Старик трясущейся рукой вновь полез за папиросой.

– Ну, не тяни...

– Да не тяну я! – торопливо прокряхтел Семён, закурив очередную папиросу, глубоко затянулся и продолжал:

– Стоим, как вкопанные, рты раззявили, а... сказать кабуть и нечего... Глядим как ошалелые друг на дружку, молчим... А вокруг всё взрывается, люди дерутся, кувыркаются, стреляют, орут, матерятся! Иные в рукопашке – из горла вражьего куски мяса зубами вырывают! Неба не видать! Земля горит! А я – чё делать, не знаю... Обомлел...

– А он?

– И он стоит... Шею-то втянул, вроде как и сказать чё хочет, ан нет – молчит... А я гляжу на эту форму его немецкую, глазами хлопаю... Думаю – как же оно так-то, а?! Шагнул к нему, а он – вдруг вижу, затвор винтовки передёргивает и, не целя, прям – бабах в меня! Во как!..

– И чё?

– Да ничё! Представляешь, с трёх метров промахнулся!

– Кто, Витька?! Да он утку влёт бил! Навскидку! – вырвалось невольным криком у Николая. Он хотел ещё что-то добавить, но осёкся, сбавил тон и придвинулся к столу. – Хотя... Кто его знает, когда так-то...

Семён же, погружённый в свой рассказ, медленно переведя взгляд на дно пустой стопки, продолжал:

– Во рту земля горелая, в глазах песок, вокруг дымище... В башке всё кувырком, как у пьяного! А мне... Понимаешь... Я тот выстрел до сих пор слышу! Мне и тогда, посреди тысяч взрывов – тот выстрел, как сонному под ухо! Враз очухался! Ну, думаю, предатель Витька, точно, раз по своим стреляет, гнида, гад, тварь последняя!.. – Старик вновь глубоко затянулся папиросой и заговорил, одновременно выдыхая дым: – Ты пойми, Коля! Ладно бы форма... Он же, сука, выстрелил!

Семён надолго замолчал. Николай его не тревожил, ждал...

Каждый из них вновь задумался о чём-то своём.

Солнце уже потихоньку садилось за горизонт, когда Николай, громко выдохнув, нарушил тишину первым:

– И чего? Убил ты его?

Семён, словно встрепенувшись ото сна, посмотрел на друга и, медленно кивнув, подтвердил:

– Штыком... Раз-два – и всё... Как учили...

– А... Про брата маво, Ивана, не спросил, а? Может, вместе они в плен попали, или как там ещё?..

Семён почти разъярённо посмотрел на Николая, но тот уже отмахнулся, поняв, что сморозил глупость.

– Да ты чё, дурной, аль как?! Когда нам говорить-то было?! Он бабах – я штыком... Одним махом! Насмерть!

– Да-а-а... – протянул Николай, глубоко выдохнув. – Дела-а-а... Чё раньше-то не сказывал? Думал, упрекну, что ль? Али Лидии твоей расскажу?

Семён, в очередной раз затянувшись папиросой, пожал плечами.

– Узнает – не простит... Всю жизнь вот томлюсь... «Без вести...» – оно даже лучше, сам же знаешь: ни то, ни сё... Похоронка на него так и не пришла... Сам не объявился...

– Слушай! Может, и не Виктор то был, а? Обознался ты! Ну, откуда там ему взяться? Может, немец то настоящий был, просто похожий? Стрелял в тебя, да не попал, бывает и такое! Я вот как-то в газете читал...

– Да тьфу на тебя! – злобно сплюнул Семён, перебив товарища. – Ты чё, не слушаешь меня, аль как? Он, Витька был! Больше-то некому...

– Чего некому?

– Я потом... Оглянулся, а... За спиной моей немец лежит... Матёрый такой, нож в руке... Хотел меня сзади садануть...

– А... это... как его... – пробормотал было Николай, но Семён перебил уже в крик, словно боялся не успеть:

– Да не в меня! Это в него Витька пальнул!

Понимаешь ты?! В него! Навскидку!.. Прямо меж глаз!..

Теперь уже замолчали надолго, лишь иногда по очереди вздыхая. Да в общем и нечего было говорить, и незачем... Наконец, заметив, что кончились папиросы, дед Семён потянулся

к бутылке. Она тоже оказалась пустой. Старики переглянулись. Николай, кряхтя, медленно привстал и положил руку на плечо товарища.

– Темнеет уж... Пойдём-ка в дом, Семён... Там у баб есть, на столе.

– А папиросы?

– И папиросы найдём...

– погоди! – встрепенулся Семён. – Коля, а ты бы вот как, а? Тока по правде! Если б, не дай Бог, на моём месте, а?

Впервые в жизни Николай видел своего друга таким растерянным и беспомощным. Выцветшие глаза старика были полны отчаянной надежды и мольбы, словно он прямо сейчас, сию же секунду, незамедлительно, ждал от своего товарища – отпущения грехов...

Но Николай лишь вздохнул и, разведя ладони, пожал плечами.

– Не знаю, друже... О-ох, не знаю... Пошли.

– И, показывая на пустую бутылку, добавил:

– Мы с тобой сегодня – за Победу ещё не выпили...

Солдат Иван – 1942 г

Тринадцатилетний Лёшка вчера ночью совершил давно задуманное. Под самое утро подкрался к дому полиция Петровича и, макнув палец в банку с краской, нарисовал на его двери красную звезду, а заодно – на боку люльки и бензобака немецкого мотоцикла. На нём вчера вечером приехали два фельдфебеля на очередную пьянку. Пили они долго и утихомирились лишь под утро. У Лёшки расчёт был прост: полиция-предателя Петровича немцы сразу расстреляют, как только увидят красные звёзды. Эх, не тут-то было...

Хоть и пили они почти полночи, но встали рано. Немцы, как увидели красные звёзды, сразу орать стали, даже постреляли со зла по сторонам. Потом, заметив, что краска размазана пальцами, велели Петровичу собрать местных полицаяв и, согнав всю деревню к его дому, начали проверять руки. Такая краска, если запачкаться, бесследно и быстро не отмоется. Разве что бензином. Потому немцы заставили полицаяв нюхать одежду и руки.

Лёшке здорово повезло. Чтобы не попало от мамки за взятую без спроса краску, он сразу после своего подвига залез на чердак и, закопавшись в сено, крепко заснул. Он даже не слышал, как немцы обыскивали сарай, дом и погреб. Выгнали всех, а его не заметили.

Не найдя в деревне ничего, уехали в соседнюю.

Одна лишь мать догадывалась, куда пропали краска и старший сын. Она знала точно, что в деревне красная масляная была только у неё.

Когда Лёшка проснулся и спустился в дом, то получил по полной. Мать лупила молча, отцовским ремнём, больно и как-то отчаянно. Не моргая, на одном дыхании. А у самой – слёзы в глазах. Лёшка тоже молчал, терпел, не проронив ни слова. Даже Сёмка, сидя на лавке и покачивая люльку с сестрёнкой, казалось, боялся шелохнуться, хотя обычно всегда начинал хныкать и пытался вступить за брата. Сейчас он не особо понимал, но чувствовал, что брат натворил что-то очень страшное.

После наказания Лёшка был спроважен огородами к овражку, который выходил к реке, чтобы оттереть уже засохшую на руках краску песком и водой. Если левая рука была просто испачкана, то правая ладонь была красной почти полностью. Запачкан был нос и ещё пара пятен виднелись на щеке. Кроме того, остались следы на рукавах единственного, латаного-перелатаного пиджака и на кирзовых сапогах. Лёшка отдраил руки мокрым песком почти до крови, но краска полностью так и не отмылась. Конечно, и цвета она была уже грязного, но при желании легко можно было догадаться, что это краска, причём красная. Перевалило за полдень, в дом идти Лёшка боялся. Прознают немцы – повесят всю семью. Мамку, Сёмку, даже полуторогодовалую Марусю и его самого. Только теперь, поостыв и словно враз повзрослев, Алексей начал понимать, что натворил...

Весь день он думал об этом: «Несправедливо! Несправедливо! Хотел наказать врага, предателя, а получилось наоборот. От отца нет вестей с тех пор, как в июне сорок первого ушёл на фронт. Да и куда писать – вокруг немцы. Бабушка умерла зимой. Дедушка ходил в лес за дровами, а немцы повесили его как партизана. Мы живём впроголодь, особенно в холода. Хорошо хоть летом лес да речка кормят. А полицаи все, как боровы, отъелись. Петрович сам по себе хоть и тощий, зато вечно при хлебе, сале и водке. Даже при шоколаде. Хорошо хоть не любит его, иногда (обычно когда выпьет) ребянтню балует». От этих мыслей очень захотелось есть – ведь, почитай, со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было. Мамка велела не появляться в доме, пока сама не придёт или не пришлёт Сёмку. После сегодняшних событий Алексей не смел послушаться и ждал. Наконец откуда-то сверху донеслось:

– Лё-ё-ёш. Лёшка-а-а!.. – боясь крикнуть громче, почти шептал Семён, вытянув шею и пытаясь заглянуть за кусты в глубь овражка. Его взъерошенная белобрысая голова среди зелёных ветвей светила, как майское солнце.

– Тут я. Еды принёс? – ответил заспанным голосом Алексей.

– Принёс.

– А мамка чё не пришла?

– Маруська хвораёт, горит вся, с рук не слазит, плачет... И мамка плачет... А еды, сказала, на два дня тебе, чтоб не ел всё за раз.

Внизу послышалась возня.

– Лё... Лёшка, там немцы снова на дороге, я боюсь...

Алексей пулей взлетел к верхней кромке оврага и взглянул на семилетнего Семёна. Голубые глазёнки младшего брата смотрели испугано, не моргая, ища защиты.

– Где?!

– Там, у переезда. Они сюда, кажись, идут...

Лёшка выскочил наверх.

– В деревню заходили?

Семён кивнул и добавил:

– Одни фрицы, без полицаев. По дворам снова ходили, краску опять искали, а я к тебе.

– Тебя видели?

– Не, я огородами...

Лёшка сначала посмотрел на свои руки, затем взял за руку брата и подобрал котомку с едой:

– Пошли к Черёхе, на наше место, там спрячемся.

– Мамка мне велела сразу назад воротиться, к ней.

– Там же немцы. Уйдут – вернёшься.

Сёмку не пришлось уговаривать. Сколько помнил себя, всегда бегал за старшим братом, как лисий хвост, всегда был рядом, даже в школу провожал по утрам. А тут, почитай, второй день без него – соскучился. Шли осторожно, пригнувшись.

– А Витёк говорит, что к нам в деревню теперь немцев поселят.

– Чего это? – удивлённо спросил Алексей, остановившись. – Витёк-то твой откуда знает?

– От баб слыхал... Говорят, по домам селить будут, – Семка перешёл на шёпот, – партизан, говорят, боятся.

– Чего, и к нам поселят?!

– Угу...

– А как же... – Лёшка осёкся на полуслове. Где-то недалеко послышался одиночный выстрел. Братья остановились как вкопанные и испуганно переглянулись. Через пару секунд в ответ разом зачеканили несколько немецких шмайссеров...

Мальчишки без оглядки кинулись бежать к своему месту. Лёшка не выпускал из рук ладонь насмерть перепуганного Сёмки, который, хоть и спотыкался, но сильно не отставал. Добрались быстро. Лёшка снял сапоги, как всегда, присел, и Семён ловко взгромоздился на спину брата, обхватив его шею руками:

– Ослабь, задушишь, – прошептал старшой, и Семён ослабил хватку. Зайдя по колено в воду, Алексей сделал ещё несколько шажочков вперёд в густой камыш, затем, пригнувшись, потянул за привязанную к вбитому колу верёвку. Медленно расталкивая камыши, в протоке появился довольно умело сколоченный мальчишками плотик. Подтянув его поближе, Лёшка развернулся, а Семён уже привычным и отработанным движением перелез на «Броненосец Потёмкин» (так они называли свой плотик). Оттолкнувшись шестом, мальчишки схватили вырубленные из досок вёсла и, ловко ими орудуя, погребли к островку, что находился посередине речки. Продолговатый остров, окружённый зарослями кустарника, длиной не больше двадцати шагов, делил Черёху в устье на две части, там, где она впадала в Великую. Для мальчишеских тайн да игрищ островок был просто находкой. С ближнего берега – трава да камыш,

с другой стороны островка – узкая протока и болотце, не подступиться. А уж увидеть кого, если спрячется, точно невозможно.

Послышался собачий лай, новый одиночный выстрел и снова беспорядочное многоголосье автоматных очередей... Сёмка, испугавшись, выронил весло и, закрыв уши руками, упал на живот.

– Гребь быстрее! – громко прошептал Алексей, изо всех сил пытаясь работать за двоих, Сёмка поднял голову, посмотрел на брата и, подвинувшись к краю плотика, стал помогать одной рукой. До их места по воде оставалось всего-то метров тридцать, но сегодня мальчишкам казалось, что всегда летящий, как ветер, «броненосец» еле ползёт. Как только они оказались в своём «порту», услышали доносившуюся с той стороны немецкую речь и громкий собачий лай. Казалось, что голоса раздаются совсем близко, хотя и слышались они с другого берега речушки. Сёмка начал тихо плакать, а запыхавшийся Алексей приложил палец к губам:

– Тихо ты! Они нас не видят, а будешь реветь – найдут.

Семён враз перестал хлюпать и, широко раскрыв испуганные глаза, замер, прислушиваясь. Алексей же затащил плотик поглубже в камыши и подполз к брату.

– Лёш, – выдавил, трясясь, Сёмка, – а если найдут, они нас убьют?

– Не най...

Ответить Лёшка не успел – в этот миг началась беспорядочная стрельба по воде и камышам из десятка стволов. При первых же звуках автоматных очередей Лёшка пригнул голову братишки, прижал его к сыроватой земле, обнял, и оба, закрыв глаза, замерли неподвижно, боясь шелохнуться. Иногда пули свистели где-то невысоко над их головами, то фыркая, то шипя по-змеиному, то с хрустом ломая веточки и сбивая с кустарника листья. Поливали из автоматов, не жалея свинца, несколько минут, показавшихся братьям целой вечностью. Наконец всё затихло... Лёгкий ветерок перестал доносить картавую речь, а вскоре, видимо, решив, что дело сделано, немцы ушли восвояси. Мальчишки ещё долго лежали, прижавшись друг к другу, боясь поднять головы, а время, словно позабыв про них, тянулось бесконечно медленно...

Как бы там ни было, но всё равно казалось, что тишина после стрельбы наступила неожиданно. Да такая, что в ушах зазвенело. Мальчишки потихонечку пришли в себя. Июльский летний денёк набирал разбег, солнце припекало всё сильнее, становилось по-настоящему жарко. В небе преспокойно парили чайки, слышался еле уловимый шепоток воды, вокруг пели птицы, шелестел камыш. Было даже слышно, как жужжат неутомимые пчёлы над цветками одуванчиков. Словно и нет никакой войны. Братья уже лежали на спинах, наслаждаясь тишиной и спокойствием, вдыхая разноцветье запахов и рассматривая медленно плывущие по небу редкие облака.

– Лёш, а как война закончится, меня в школу возьмут? – выдохнул мечтательно Сёмка.

– Конечно, возьмут.

– А ты дашь мне портфель свой поносить?

– Да, а лучше тебе новый купим. Вот батька вернётся, и купим. И портфель, и ботинки новые, и тетрадки.

– Ага, мамка тоже так говорит. А когда батька вернётся?

– Скоро. Может, уже к осени наши придут, тогда и вернётся.

– Скорей бы, – вздохнул Семён и неожиданно округлил глаза.

– Чего? – насторожился Алексей.

– Мамка убьёт! Она же сказала: к тебе – и сразу вернуться!

Алексею ужасно не хотелось оставаться одному, но он нутром чувствовал, что Сёмке и так от матери достанется. Скорей всего, она опять плакать будет, а тут ещё стрельба у оврага и речки... Наверное, с ума сходит.

– Ладушки, ща пойдёшь. Может, есть хочешь?

Сёмка вмиг обо всём забыл:

– Угу!

Алексей развязал узелок с едой и аккуратно расстелил тряпицу на песке. У обоих потекли слюнки. Четыре куска хлеба, пол-луковицы, два огурца, два яйца и кусок сахара! Такой красивый, квадратный, чуть-чуть отдающий желтизной – настоящий кусок сахара!

– Ого! – хором промычали оба. – Са-а-ха-ар!..

– Я видел, – начал шёпотом тараторить Сёмка, – у мамки целая пол-литровая банка, почти полная. Тока не знаю, где прячет.

– Да ясно где – в погребе. Там семнадцать кусков оставалось. Ты, Сёмка, тока не тронь, она иногда Маруське его в молоко добавляет, чтоб ела лучше.

Лёшка знал, что Семён в погреб не полезет, побоится, но сказал так на всякий случай.

– Ну что, брат, угощайся! – наконец вымолвил Алексей, по-взрослому разводя руки в стороны, да и сам устав просто так смотреть на еду. Сёмку уговаривать не пришлось. С половиной от присланной мамкой еды расправились быстро, почти наперегонки. Не тронули только сахар. Сёмка делал вид, что тот его совсем не интересуется, но всё-таки не мог себя пересилить и искоса поглядывал на этот желтоватый кусок. Лёшка же, зная, насколько сильно братишка любит сладкое, специально наблюдал за ним, испытывая терпение и продолжая тянуть время.

– Ну чё, куснули? Остальное мне на завтра, – наконец произнёс Алексей и быстро начал завязывать узелок. Семён понял, что всё, «не довелось». Но просить сахар не стал, лишь сглотнул слюну, не смея претендовать на чужое. Заметив его смиренный взгляд, брат наконец сжался и как бы мимоходом спросил:

– Ах, да!.. Сахару хочешь?

– А ты?

– Да на, ешь, – равнодушно отвечал он и, достав кус сахара, протянул младшему брату.

– Я его в детстве знаешь как объелся, не лезет уже! Я вон рыбы себе ещё наловлю, у меня тут удочка запрятана.

– Везёт тебе, объелся! – Глаза Сёмки засветились радостью, и, схватив желтоватый кубик, он целиком затолкал его себе в рот. – А я люблю! Ух, как люблю!

Алексей посмотрел на довольное лицо брата и почувствовал себя настоящим взрослым:

– Ну чё, домой?

Сёмка от неожиданности даже поперхнулся. В глазах у него вновь появился испуг, и он в одну секунду вернулся из доброй сказки в страшную явь:

– А немцы?

– А чё немцы? Ушли уже, не бойсь...

Алексей не успел договорить, как в нескольких метрах от них, в кустарнике, раздался хруст ломающихся веток. Оба с перепугу вскочили на четвереньки и, изо всех сил напрягая слух, переглянувшись, замерли. Ни звука, тишина.

– Немцы? – испугано прошептал Сёмка, с мольбой в глазах глядя на брата.

Алексей пожал плечами, приложил палец к губам и показал, что пойдёт туда, откуда послышался звук. Сёмке же взглядом велел ползти к плотнику. Младшего тут же как ветром сдуло. Перебирая руками и ногами, как заправский, испуганный таракан, Семён в три секунды исчез в зарослях кустарника.

Осторожно, словно настоящий пограничник из довоенного кино, Алексей, пригнув голову и вспахивая пузом песок, стал приближаться к подозрительному месту, в глубине души надеясь, что на остров после жуткой стрельбы занесло каким-то чудом либо перепуганную дикую косулю, либо ещё какую заблудившуюся животину. В прошлом году, в самом начале войны, на островке бабы заметили и поймали козу. Правда, тогда беженцев было полно – видать, отбилась. А как на островок попала, до сих пор все гадают. Может, теперь и им повезёт...

Лёшка подполз к знакомому бревну и осторожно выглянул из-за него, пытаясь заметить движение в траве или кустах. Но первое, что он увидел перед самым своим носом, оказался ствол винтовки. По спине пробежали мурашки, и Лёшка невольно скосил глаза на холодное, круглое отверстие всего в десяти сантиметрах от своей переносицы.

– Ты кто? – раздался сквозь тяжелое дыхание незнакомый голос. Мальчишка не видел говорящего, потому что не мог оторвать скосившиеся до боли глаза от чёрного отверстия – оно, словно магнитом, намертво приковало его взгляд к себе. Лёшке почему-то казалось, что прямо сейчас оттуда вылетит пуля, и он увидит этот самый миг...

– Л-л... Лёшка я, – наконец выдавил он.

– Из деревни?

– Угу.

– Что за деревня?

– Глоты.

– Чего здесь делаешь?

– От немцев прячусь.

Ещё несколько секунд он лежал, замерев, пока отверстие ствола не сползло набок и не упало на бревно. Только теперь Алексей смог перевести взгляд на говорившего. Тот почему-то замолчал, уткнувшись лицом в землю. На нём была старая, выцветшая, изношенная до дыр красноармейская гимнастёрка, такого же цвета солдатские галифе, ноги обернуты тряпьем и перемотаны верёвками, словно лапти на старых картинках... Лёшка лежал почти неподвижно, разглядывая его. Человек не двигался.

– Эй, дядь! – наконец прошептал Алексей. – Ты живой?

Человек молчал. Алексей осторожно поднялся, оглянулся, отложил в сторону винтовку и легонько тронул непрошеного гостя за плечо. Тот не шелохнулся. Тогда Лёшка взял винтовку и знакомым движением, как когда-то учили отступающие солдаты, передёрнул затвор, краем глаза заметив, как из патронника вылетел патрон. Лёшка почувствовал себя настоящим героем. Теперь ему никто не страшен! Он защёлкнул затвор, загнав туда новый патрон, не спеша подобрал с песка выпавший и положил в карман. Затем подошёл к лежавшему, ткнул его стволом в плечо и громко выпалил:

– Эй, вставай! Кто таков?

Лежавший застонал и медленно поднял голову. Теперь ствол смотрел в его переносицу:

– Не балуй, пацан... Помоги лучше... – Поморщившись, он перевернулся на бок и подтянул к груди руками правую ногу. Только теперь Лёшка заметил, что человек ранен: вся правая штанина была в крови, а на материи выше колена явственно было видно отверстие от пули. Лёшка растерялся и, хлопая глазами да продолжая держать наизготовку винтовку, спросил, словно извиняясь:

– Дядь, ты ранен, что ли?

– Тряпье какое есть? – вместо ответа спросил человек.

Лёшка отрицательно покачал головой, а потом, будто очнувшись, просиял:

– Ты из наших, что ли, дядь? Из партизан?

Человек, явно преодолевая боль, ухмыльнулся:

– А что, на ганса похож?

– Да нет же! Дядь, а...

– Тише ты, не ори... Чего ты там про партизан сказал? Знаешь, как найти их?

Мальчишка вновь замотал головой.

– А немцев у вас тут много?

– До вчерашнего дня редко бывали, одни полицаи...

– А скоро в деревне жить будут, – неожиданно встрял в разговор оказавшийся за спиной брата Сёмка. Лёшка резко обернулся:

– Ты чего тут? Я те куда велел спрятаться?
– Да тише вы, бесята!.. – тяжело дыша, проговорил человек. – Места эти хорошо знаете? Мне бы схорониться где... – И, рванув левый рукав потрёпанной гимнастёрки, разодрал его на полосы, а затем стал перевязывать рану. Молчали, пока он не закончил.

– Мякоть задело, пройдёт... На мне, как на собаке... Звать-то вас как?
– Меня Семён, его Лёшка, – отвечал за двоих младшой. – А тебя как?
– Ух какой ты шустрый – вперёд брата встрял! А меня – красноармеец Иван Коропостылёв зовут.

– Иван Костыр... Крустырл...
– Зови просто дядькой Иваном, – улыбнулся тот, видя, как Сёмка пытается повторить его фамилию.

– Дядька Иван, так ты из партизан, что ль?
– Из салотопки¹ бежали, с друзьями. Во, видал? – показал он на винтовку в руках Алексея и ухмыльнулся. – У полиция прихватили, самую что ни на есть красноармейскую.

– Винтовка Мосина, образца 1930 года! – гордо выпалил Алексей, перебив.
– Ого, знаток! – вновь ухмыльнулся красноармеец и вытащил из кармана гранату. – Может, и эту модель знаешь, как называется?

– А чего... – смутился Алексей. – Граната как граната, немецкая... – и попытался перевести разговор на другую тему. – С Берёзки, говоришь?! Из самой салотопки?! Говорят, страшно там...

Ироническая улыбка красноармейца исчезла. Иван сжал зубы и кивнул. Взгляд его стал озлобленным.

– Из неё самой. Страшно, брат. Повезло. С одним полицаем нас в деревню отправили – на работы. Грех было не рискнуть...

– А где же друзья твои, дядь?
– Не знаю... Один сразу потерялся, а друг мой Мишка где-то недалеко. Нас только что немцы разогнали в разные стороны. Надеюсь, что не поймали его. У него тоже граната – если что, услышали бы...

Как по щелчку, именно в эту секунду где-то на краю деревни раздался взрыв, а за ним последовало несколько автоматных очередей. Все трое встрепенулись и замерли. Иван закрыл лицо руками и, заскрипев зубами, простонал:

– Ми-иш-ка-а... Что ж ты, Миш... – и неожиданно, резко обернувшись к мальчишкам и вытянув руку, зло прошептал: – Дай сюда! Винтовку дай, говорю! Ну!..

Алексей с Семёном невольно отпрянули, а Иван, пытаясь вскочить, застонал и, схватившись за простреленную ногу, вновь рухнул без чувств на песок, завалившись животом на бревно.

...Когда он открыл глаза, было уже почти темно, но он сразу узнал мальчишку, сидевшего рядом:

- Лёха?
 - Я, дядь Вань.
 - А где этот... пострел?
 - Дома уже. Мамка нас искала повдоль речки, Сёмку кричала. Пришлось отвезти.
 - Отвезти?
 - Угу, на плоту.
 - На плоту? У тебя что, плот есть? Это хорошо...
- Помолчали.

¹ Место содержания и расстрела красноармейцев и мирных жителей г. Пскова фашистами. – *Здесь и далее примечания автора.*

– Мамке рассказал?

– Угу...

– Что сказала?

– Во. – И Лёшка протянул ему яркий женский платок. – На перевязку отдала, что с собой было. Батя ей дарил... А ещё... Плакала, сказала к тебе не ходить – убьют.

– А зачем платок тогда дала?

Алексей пожал плечами. Иван же, отлепив от раны грязное тряпьё от гимнастёрки, развернул платок, хотел разорвать, но невольно стал разглядывать его.

– Красивый... Эх, парень!.. Ничего, мы после войны всё сполна... Всё... До гвоздя, до платочка...

– Ис этими словами сначала приложил платок к ране, затем, словно очнувшись, отдёргнул руку и, разорвав на две части, бросил Алексею половинку, а другой начал перевязывать ногу. Лёшка с досадой посмотрел на запачканный кровью остаток маминого платка и подобрал его.

– И в деревню сказала не ходить, – добавил мальчишка, пока красноармеец возился с раной.

– Сидеть тут велела, пока сама не позовёт. Немцы совсем озверели, рыщут. Сначала из-за меня, теперь вот из-за... Сегодня Анискиных всю семью повесили. – И Алексей, не сумев сдержать слёз, несколько раз вытер рукавом лицо. – И Кирюху... Я с ним с первого класса за одной партией...

– За что?

– Друга твоего у них во дворе застали.

Взгляд Ивана оживился:

– Ну, и?..

– Убили. Он в них гранату... Двух немцев убил. Рядом с Анискиными повесили, мёртвого. Чтоб все видели.

Ни один мускул на лице Ивана не дрогнул, лишь потускнели глаза, став почти стеклянными. Он протянул руку и погладил Алексея по волосам:

– Ничего, парень, мы за всех отомстим. Обязательно отомстим. И за моих друзей, и за твоих, и за Мишку, и за Анискиных.

– Когда?

– Скоро.

– А война когда закончится?

– Скоро.

– Говорят, немцы Москву взяли.

– Не верь! Кукиш им, а не Москва! Взяли бы, орали бы на всю Тверскую! Они ещё зимой такого пинка получили!..

– А ты откуда знаешь?

– Знаю.

Молчали долго. Сероватое небо было расписано светлыми пятнами облаков, звёзд не было видно.

– Тихо как... Словно и войны нет. Никак не могу привыкнуть к белым ночам.

– А ты сам-то здешний, дядь Вань?

– Нет. Детдомовский я, сибиряк. А до войны в Москве учился, в институте.

– Ого, в самой Москве прям?!

– Точно так. В столице нашей Родины.

– А площадь Красную видел?

– Гулял по ней, не раз, – выдохнул мечтательно Иван.

– А товарища Сталина?

– И товарища Сталина видел, на первомайской демонстрации, в сороковом, издали.

- Может, и Ленина в мавзолее видел?
- Ещё когда на первом курсе учился, а потом ещё три раза.
- Ого!.. Считай, всё в жизни повидал. Мне бы так...
- Да ладно, – успокоил его Иван, – тебе сейчас сколько? Двенадцать?
- Тринадцать уже, – обиженно ответил Алексей.
- Хо, да у тебя вся жизнь впереди! Успеешь!
- А тебе сколь?
- Три дня назад двадцать два стукнуло.
- Двадцать два?!
- А что, думал, больше?
- Лёшка пожал плечами.
- А чего тогда седой?

Иван с грустью в глазах улыбнулся:

- Да ладно, я же с декабря сорок первого в плену... Вот отъемся – помолодею снова.
- Всё равно везёт – взрослый уже.
- Слышь, Алексей, может, у тебя что перекусить найдётся, а?
- Точно! – обрадовался Лёшка и полез в кусты. – Мамка два куска хлеба принесла, а

у меня ещё вот...

Когда Алексей развернул скатёрку, Иван сглотнул слюну и замер. Глядя на огурец, настоящий хлеб и яйцо, он смахнул невольно выступившие на глазах слёзы.

- Ты чего? – удивлённо и слегка виновато спросил Лёшка.
- Да так... Я столько еды сто лет не видел!

Алексей взял кусок хлеба, яйцо и протянул Ивану:

- Бери.

Иван долго, словно драгоценный камень, крутил в руках варёное яйцо. На худом, скуластом лице, казалось, появились признаки сумасшествия, глаза горели. Наконец он посмотрел на мальчишку и, как будто придя в себя, словно устыдясь, отвёл взгляд. Затем неожиданно раздавил яйцо рукой, отвернулся и, откусив кусочек вместе со скорлупой, начал торопливо жевать.

Алексей даже поморщился, услышав хруст на его зубах, и хотел что-то сказать, но Иван, вытянув руку, остановил его:

- Да знаю, знаю. Чего добру-то пропадать, и так вкусно.

Затем, уже не торопясь, смакуя, по чуть-чуть, Иван съел третинку хлеба с половинкой огурца и вскоре, икнув, облегчённо выдохнул:

– Ну, брат, по гроб тебе обязан, наелся-я-я... Теперь сил вдоволь, можно дальше воевать, а то крови много потерял. Выбираться надо отсюда.

- Куда?
- Партизан искать. Нельзя тут долго. Что, если на плоту поплыть, по реке?
- Ты чего, дядь Вань? По течению через город понесёт, а там мимо моста не проскочишь.
- А эта река куда?..
- Черёха? По ней вверх на плоту тоже не пройдёшь, это же не лодка.
- Значит, бесполезен твой плот.
- Чего это «бесполезен»? Супротив течения по Великой можно угрести, тока медленно очень будет. А вот если по берегу тащить – быстрее, да и незаметней.

- Не, Лёшка, я не ходок нынче. Мне бы хоть так поковылять.

– А тебе и не надо ковылять. Ты, дядь Вань, шестом подмогнёшь, чтобы к берегу не прибило, а я могу на верёвке тащить. Я Сёмку в прошлом лете аж до самых Соловьёв пёр, а потом по течению сюда спускались. Ух, и рыбы наловили!

- А осилишь?

– Так по воде же, не на себе, а ты – шестом слегонца. Только это, как бы...

– Что? Боишься?

– Не, – отвечал обиженно Лёшка. – Как партизан-то искать будем?

– Тебе зачем? Отвезёшь меня подальше – и назад.

– Нельзя мне назад!

И Алексей вкратце рассказал про свои беды.

– Да-а-а... Ты, конечно, это здорово придумал, Лёшка, только поступил глупо, – посочувствовал красноармеец.

– Ничего не глупо!

– А про мамку ты подумал? Про сестрёнку, про Сёмку? Врага бить надо наверняка, чтобы сразу насмерть! Как настоящий ворошиловский стрелок – точно в цель! А ты только разозлил их, да себя чуть не выдал!

– А ты?..

– Что – я?

– Стрелок ворошиловский?

– С тридцать девятого года! Одним из первых в институте значок получил!

Глаза Ивана горели, говорил он горячо, а Алексей, наоборот, сник.

– Ну, ничего, – успокоил его Иван. – Не бойсь, мы этим гадам ещё покажем. Пошли. – И, с трудом встав и опираясь на винтовку, он скомандовал: – Ну, веди, Сусанин!

– Сусанин был Иваном, – обиженно заметил Алексей.

– Ого, да ты грамотей, как погляжу! Откуда про него знаешь?

– Ничего не грамотей. Антонина Фёдоровна, учительница по истории, рассказывала.

Через Черёху перебрались легко, на вёслах. Вышли к устью Великой и, пройдя малый рукав, пошли против течения вдоль берега. Километр преодолели легко, дальше поплыли медленнее

– то ли из-за заросшего кустарником берега, то ли из-за того, что Иван устал работать шестом. Через полтора часа всё-таки осилили километра три, и плотик причалил в удобном месте к берегу – решили малость отдохнуть.

– Долго ещё? – тяжело дыша, спросил Иван. В полусумерках на его побледневшем лице была хорошо заметна усталость. Видимо, работа с шестом далась ему нелегко.

– Почти на полпути. Болит? – спросил Лёшка, кивнув на его ногу.

– До свадьбы заживёт, – отмахнулся Иван, пытаясь казаться весёлым. – Ну что, поехали дальше?

– Тихо! – вдруг прошептал мальчишка, приложив палец к губам. – Слышишь?

Где-то далеко, в начинающем стелиться по воде тумане, послышался глухой перестук мотора. С каждой секундой, приближаясь, он становился всё громче и громче.

– Сторожевой бот, – прошептал Алексей на ухо красноармейцу. – На нём немцы до Острова ходят.

– Нам-то что? – так же шёпотом спросил Иван.

– У них там прожектор и два пулемёта. Давай к деревьям скорей!

До ближайших кустов было метров двадцать, Иван, опираясь на винтовку, передвигался медленно.

– Скорей, скорей, дядь Вань! Близко они уже, – шептал Алексей, подсев под его руку и пытаясь помочь идти быстрее. – Увидят плот или что не то – стрелять начнут.

Только они успели упасть, как прожектор выхватил из полусумрака плотик и начал пляску по близлежащему берегу, камням, траве и кустам, выхватывая все укромные и подозрительные места. Шум мотора стал приближаться быстрее, и вскоре в берег рядом с плотиком уткнулся носом тяжёлый немецкий бот. А луч света, то замирая, то вновь начиная медленно ползти, как вышедшая на охоту змея, жадно и аккуратно продолжал разрезать предрассвет-

ный полусумрак своим ярким глазом, изучая берег и, видимо, предвкушая добычу. Прошло несколько долгих минут. Наконец, ничего не увидев, два немца вышли на берег и подошли к плоту. О чём-то переговариваясь, осмотрели его. На фоне неба было заметно, как подобрали узелок с едой, развернули его, посмеялись, затем, достав из бота канистру с бензином, облили плот и, отойдя на пару метров, бросили спичку. Огонь полыхнул, издав приглушённый звук новогодней хлопушки. Яркий язык пламени, выпустив над собой черный гриб дыма, подпрыгнул метра на два и осветил берег с немцами. Их было шесть человек. Двое, что стояли у самой воды, осмотревшись ещё раз по сторонам, передёрнули затворы и начали стрелять наугад из автоматов в сторону кустов. Затрещали уже знакомые звуки ломающихся над головой веток. Лёшка невольно вжался в землю и почувствовал, как Иван, прижав его голову к груди, прикрыл своим телом. «Прям как я сегодня Сёмку», – почему-то подумал Алексей. Выпустив по магазину патронов, немецкие солдаты снова о чём-то посмеялись и полезли в бот. Вскоре затарахтел мотор, и через пару минут всё вновь затихло. Алексей с Иваном некоторое время лежали молча.

– Дядь Вань, – тихо прошептал Лёшка, – чего ты в них гранату не бросил?

– Тихо, парень, тихо, – перевернувшись на спину, проговорил солдат, тяжело дыша. – Видно день сегодня не мой...

– Да надо было их разом, всех!.. – начал было Алексей, привставая, но тут же осёкся, заметив, как дядя Ваня отрывает правый рукав гимнастёрки. Даже вполупотьмах было заметно, что рука вся в крови.

– Зацепило... Я ж говорил, что везучий. Опять навывлет, – скрипя зубами, попытался улыбнуться солдат, прижимая кусок оторванного рукава к правому плечу. Лёшка невольно поморщился, глядя на дядю Ваню:

– Больно?

– До свадьбы заживёт. Ты это, посмотри-ка тут, колечко такое с чекой, – и он показал Лёшке зажатую в раненой руке гранату. – Тут где-то... Рука уже немеет...

Лёшка сразу сообразил, о чём речь, и начал торопливо шарить в траве руками. Повезло – кольцо нашупал быстро, подал Ивану.

– Вот и хорошо. Говорю же, везучий я, да и ты, видать, не промах, – бормотал себе под нос Иван, вставляя на ощупь чеку на своё место. Наконец, справившись, он улыбнулся: – Ну, брат... Думал – всё... Бросить не могу, а рука немеет...

Иван протянул здоровую руку к маленькой сосенке, одним махом стянул с ветки горсть иголок и, закинув в рот, начал жевать. Увидев удивлённый взгляд Алексея, он, продолжая жевать, объяснил:

– Мы в Сибири всегда хвою прикладываем к ране, средство проверенное.

Помогая перевязывать плечо и не отводя взгляда от огня, Лёшка с сожалением проговорил:

– Плот жалко. Мы его ещё до войны сделали. Сёмка узнает – плакать будет...

– Да и еду, сволочи, забрали, – вздохнул Иван. – Лучше б мы сразу всё доели. Ты это, пацан, давай-ка обратно, а я уж как-нибудь, в лес.

– Как же так, дядь Вань?... Это нечестно! Я с тобой, к партизанам!

– А знаешь, где они?

Лёшка замер в задумчивости.

– Вот и я не знаю. Ходок я нынче плохой, да ещё вот... – и он кивнул на новую рану в плече. – Так что шансов у нас маловато. Возвращайся к мамке.

– Да нельзя мне туда, дядь Вань!

Красноармеец помолчал, затем произнёс:

– Ну, тогда пошли подальше, пока совсем не рассвело.

Шли медленно, останавливаясь, за час прошли в глубь леса меньше километра. Иван был бледен и еле стоял на ногах. Когда пересекли лесную дорогу и поднялись на пригорок, он наконец остановился и прислонился к дереву:

– Ну, стоп. Передых, – вымолвил он, тяжело дыша. – Вторую ночь без сна, да и рассвело уже совсем. Место хорошее, отоспимся. Что за дорога?

Алексей не ответил.

– Заснул, что ли? Что за дорога, куда? – снова спросил Иван.

– А, эта... – отвечал рассеяно Алексей. – К нам, в деревню.

– Что не так? – почти в упор посмотрел Иван в задумчивые глаза мальчишки.

– Да я всё о платке...

– Каком?

– Я это... Я еду в мамкин платок завернул, в половинку оставшуюся...

– И что?

– Немцы узелок с едой забрали. А платок этот, что мамкин, у нас в деревне, если что – каждый узнает. Он один такой, батя его из Смоленска привозил.

– И как немцы узнают?

– Немцы-то нет, а вот... полицаи, которые из наших...

– А платок, ко всему, кровью испачкан, и найден у плота... – Иван задумался. – Мы от деревни твоей далеко ушли?

– Километра четыре.

– Всего-то? Мы что, за полночи всего четыре километра прошли?!

Лёшка пожал плечами и выпятил губу.

– Не густо... – со вздохом произнёс красноармеец. – Вот что, Алексей, бежать тебе надо к своим, предупредить, хотя... Что толку, лучше вам всем сразу уходить, от греха. Беги к ним.

– А ты?

– А я чего... В плену не пропал, так и в лесу родном не помру. Авось партизан найду, а нет – до наших пробираться буду. Ну, братишка, не поминай лихом. Спасибо тебе, – и он потрепал Лёшку по волосам.

– Стой! – неожиданно оживился мальчишка. – Пообещай, если найдёшь партизан, то обязательно придёшь за мной. Обещаешь?

– Честное комсомольское!

– Я в кино видел, так разведчики делают. Приходить сюда буду. Сегодня какое?

– Не знаю.

– Девятое. Значит, буду сюда приходить девятого числа каждого месяца, вот к этой самой кривой сосне. До зимы буду ходить.

– Беги уж, – мотнул головой солдат. – Я же слово дал!

Алексей сделал было шаг, но вдруг остановился, полез в карман и вытащил патрон:

– Вот, возьми, в магазине всего два осталось.

Иван улыбнулся и похлопал по нагрудному карману выцветшей гимнастёрки:

– Не бойсь, у меня ещё три. Полгода воевать можно!

Лёшка пробрался в дом ещё до первых петухов. Мать, увидев его, лишь взмахнула руками и со слезами на глазах кинулась молча обнимать. Но не прошло и трёх минут, как, выбив ударом сапога щеколду, в дверь ворвались немецкие солдаты и стали кричать «Шнель, шнель!», насмерть перепугав и Лёшку, и мамку, и спящих Семёна с Марусей.

Алексей хотел было выпрыгнуть в окно, но здоровенный немец успел схватить его за воротник и вышвырнул в дверь. Бежать было бесполезно – во дворе стояли ещё двое с автоматами. Хотя и было ещё раннее утро, но невысоко висевшее на горизонте солнце светило ярко. Казалось, что день уже давно начался. Вскоре вытолкнули и мамку со связанной котомкой да

Марусей на руках, рядом бежал Сёма. Они с сестрёнкой были совсем сонные и, не понимая происходящего вокруг, хныкали.

Алексей решил, что всё это из-за него, и стал, жестикулируя, кричать рядом стоящему немцу:

– Это всё я! Я один! Отпустите мамку с малыши! Я, меня арестуйте!

Но в ответ получил невнятное немецкое бормотание и ко всему – удар кулаком в зубы, от чего враз очутился на земле. Мать вскрикнула и кинулась к сыну, но здоровенный немец, стоящий сзади, прикрикнул и, схватив её за волосы, толкнул к калитке, всё время повторяя своё «Шнель!».

Лёшку вновь схватили за ворот, толкнули вслед за матерью и погнали к сельсовету. Губа рассеклась и тут же опухла, по подбородку и шее текла кровь, неприятно затекая за пазуху.

Когда Алексей увидел, что к сельскому совету согнали большинство жителей от мала до велика, кроме пожилых, у него слегка отлегло от сердца: тут что-то не так, и точно вся эта суета не по его душу. Наконец появился немецкий офицер и начал говорить на ломанном русском:

– Ви фее отправляетес в велики Германия! Я фас посдрафляйт! Ви уфидеть, что такое Германия! Фаши дома будут посмотреть и жить наш солдат, котори даль фам сфобода! Хайль Гитлер!

И с этими словами он махнул рукой. Три местных полиция во главе с Петровичем и семь автоматчиков встали с двух сторон и повели около шестидесяти человек по дороге на Соловьи. Лёшка шёл, понурился и держа за руку Семёна, вслед за матерью, которая, то и дело оборачиваясь, с беспокойством поглядывала на сыновей. «Эх, – думал Лёшка, – как глупо всё получилось! Попался, как... Какая там Германия – убьют, наверное, всех. Мамку жалко. И Сёмку. И... – к горлу подкатил ком. – Тьфу ты! – ругал он себя за подобные мысли. – Не может быть такого. Ведь не за что?!».

Шли довольно быстро – немцы и полиция всё время подгоняли. Солнце светило уже совсем ярко, почти весело. Может быть, поэтому проснувшаяся на руках матери Маруся стала улыбаться и перебирать мамины волосы, то и дело вытаскивая локон за локоном из-под старого платка. Мать, о чём-то задумавшись, долго не обращала на неё внимания, лишь иногда перехватывая дочку из одной руки в другую. Вскоре показался поворот дороги и та самая кривая сосна, у которой Алексей всего часа три назад расстался с Иваном.

«Эх, – вновь вздохнул про себя Алексей, – останься я с дядькой Иваном, мы бы им ща показали. У него винтовка. Далеко, наверное, ушёл уже, за три часа-то...». Лёшка с грустью глянул на знакомую сосну, и по спине у него тут же побежали мурашки. Мысли оборвались... Прокönyляв от кривой сосны к соседней и высунувшись из-за неё наполовину, на него смотрел дядька Иван и махал здоровой рукой куда-то в сторону. Сбитый с толку Лёшка пытался сообщить, что от него хотят. Он зачем-то тронул за руку мать, она обернулась. Алексей уже было открыл рот, но в этот миг раздался выстрел, и... полицай Петрович, что шёл в трёх шагах левее от Лёшки, упал как подкошенный. Ещё никто ничего не успел понять, как следом раздался второй выстрел – и упал немец, идущий впереди. Только тут сообразив, что на них напали, немцы и полиция разбежались в разные стороны и стали наугад, беспорядочно палить по лесу. Люди сначала стояли как вкопанные, Лёшка тоже растерянно хлопал глазами, пока мать не схватила за руку Семёна и не крикнула во всё горло:

– Ба-абы, бежи-и-им!

Народ, словно встрепенувшись, кинулся кто куда. Один из немецких солдат, пытаясь перекричать подымающую суматоху, стал орать «Alle stehen! Alle stehen!»², но поняв, что его никто не слушает, выпустил длинную очередь в спины убегающих. Несколько человек упали на

² Стоять! (нем.)

обочине. Сменить опустевший магазин автомата фашист не успел – пуля, выпущенная ворошиловским стрелком с тридцать девятого года, пробила ему грудь навывлет...

Человек пятнадцать во главе с Лёшкиной мамкой бежали по лесу, то и дело оглядываясь и прислушиваясь к выстрелам за спиной. А Алексей бежал и невольно считал одиночные выстрелы из винтовки Мосина. Её звук с немецким не спутать: четыре, пять, шесть. Всё. Кончились патроны. Секунд через сорок раздался взрыв, и выстрелы прекратились. Тяжело дыша и чуть не насильно таща на себе детей, бабы ещё долго не могли заставить себя остановиться. Лишь уйдя километра на три в глубь леса и не видя за собой погони, решились сделать небольшую передышку. Никто не проронил ни слова. Отдышавшись, люди словно впервые встретились, стали рассматривать друг друга. Наконец одна из молодых не выдержала и начала причитать:

– Господи! За что?! Я видела, как Анфиска с дочкой перед нами упали. Убили их!

– А Санька, Санька мой где? – завывала следом другая.

– А ну, тихо! – неожиданно зло, но негромко процедила сквозь зубы мать Алексея. – Не выть! Иначе и нас тут быстро... Слушай все меня!

Бабы и дети как по команде притихли – ведь когда-то, по молодости, она была комсоргом, и те, кто постарше, знали её жёсткий характер.

– Не выть, не причитать, не орать! – повторила она сухо. – Гляди, бабы, надёга нынче только на нас самих. Спрячемся, поищем ещё кого из заплутавших, а возвращаться нельзя – теперь уж точно всех повесят.

– Галина, и чё делать? Куды с дитяи-то?

– Никуды, – передразнила она дородную бабу, что продолжала тяжело дышать. – Я знаю, где наших искать. К завтрему, даст Бог, доберёмся.

– Никак, и ты в Бога поверила? – язвительно спросила худосочная тётка Серафима и попыталась ещё что-то добавить, но рядом стоящая молодуха одёрнула её.

– А по немцам не наши, штоль, стреляли? Чё бегать-то невесть куда? Може, сходит кто, поглядит?

– Вот ты и сходи! – выпалил кто-то, и все вновь замолчали.

– Наши стреляли, наши. Да что-то тихо стало... – нарушила тишину Галина и строго посмотрела на сына. Алексей утёр нос рукавом и опустил голову.

– Он? – спросила мать, приподняв голову сына за подбородок и заглядывая прямо в глаза.

Алексей кивнул, а в следующий миг открыл от удивления рот, увидев, как мать, глянув на небо, впервые в жизни перекрестилась, причём троекратно, горячо прищёпывая:

– Господи, помоги! Господи, помоги! Господи, помоги!

Невольно стали креститься все бабы и даже некоторые дети.

– За солдата Ивана молись, тётка Серафима, – это он нас всех от беды уберёт. Пошли...

До своих добраться всё-таки удалось. Похоронили разорванное гранатой тело солдата Ивана партизаны-разведчики лишь через месяц. Рядом лежало два трупца полицаяв. Немцы забирали тела только своих.

Прошла война. Прошли тяжёлые партизанские годы в лесу и болотах. Кому-то повезло больше, кому-то меньше. Победу увидели не все. Лёшкина семья выжила, кроме отца – он так и не вернулся с фронта, пропал без вести. Прошли тяжёлые послевоенные годы. Алексей, к тому времени уже Алексей Григорьевич, как и обещал, приходит на условленное место девятого числа. Правда, лишь раз в год – 9 мая. Фамилию красноармейца он так и не вспомнил, как не мог вспомнить её и Сёмка, теперь уже Семён Григорьевич, отец четверых сыновей.

Помнят и будут помнить красноармейца Ивана, дядю Ваню, в их семье всегда, ибо обязаны ему жизнью, а ещё... Ещё обязаны ему жизнью нового поколения, появившегося на свет после войны – двух Лёшкиных, четверых Сёмкиных и трёх Маруськиных детей... Жизнью

многих односельчан, кого спас ценой жизни собственной молодой солдат по имени Иван. Кто знает, как бы всё закончилось, не пересекись их судьбы с судьбой красноармейца. Кто знает, что стало бы со всеми односельчанами, если бы их угнали в Германию.

До сих пор на окраине Пскова, между деревнями Соловьи и Глоты, в лесу, всего в ста метрах от конечной остановки дачных участков «Весна–80» и незаметной просёлочной дорогой уходящей в лес, стоит метровой высоты железный обелиск, всегда ухоженный, с нарисованной красной масляной краской звездой и надписью «Солдат Иван. 1942 год».

Миша-дурачок

Эта история из моего далёкого детства, семидесятых годов прошлого столетия... Прошло всего 29 лет после войны.

Миша... Отчества и фамилии его я не помню, да, в общем-то, и не знал. Был тот мужичок на вид лет сорока пяти – пятидесяти. Тогда я ещё не особо отличал тридцатилетних от пятидесятилетних, и для меня они все были просто взрослыми...

Был Миша пьяницей, небольшого росточка – метр шестьдесят от силы, немногим больше меня и моих сверстников, девяти-десятилетних босоногих мальчишек. Семьи у него не было, жил где придётся. Говорят, даже паспорта у него не было – потерял по пьяному делу. Работал в совхозе «на подхвате». В уборочную – на уборочной, в посевную – на посевной, а в остальное время разгружал то ящики в магазине, то уголь в котельной, а то и так кому помогал – за еду или бутылку.

Был он коренаст, с морщинистым загорелым лицом, курносый носом, крепкими квадратными скулами и непременно добрыми, с хитрецей во взгляде карими глазами. Костюм на нём всегда был не по плечу и не по росту, с завёрнутыми рукавами, мятый. Пиджак обычно был накинут на грязную рубашку, из-под расстёгнутого воротника которой бросалась в глаза не первой и даже не третьей свежести тельняшка. На голове непременно – огромная кепка, из-под козырька на лоб всегда свисали тонкие, длинные, волнистые пряди. Видимо, когда-то эти пряди были роскошными кудрями. Широоченные штаны, доставшиеся «по распределению» или подаренные Мише кем-то из колхозников, были всегда заправлены по колено в такие же, не по размеру, кирзовые сапоги. Казалось, на него что ни надень – всё будет велико! Карманы его одежды почти всегда топорщились. В брюках, больше похожих на шаровары, ну или, как минимум, на солдатские галифе, в правом кармане всегда была бутылка водки, в левом – стакан, иногда с закуской. В левом, боковом кармане пиджака, как правило, лежала пачка папирос со спичками, а вот в правом... Правый карман Миши всегда притягивал взоры детворы, потому что, за редким исключением, всегда был наполнен конфетами или пряниками. Про то, что в каком кармане у него лежит, знали все – ведь мы были не первым поколением, кому Миша всегда доставал из правого кармана сладости.

Мы с нетерпением шли ему навстречу, когда он появлялся на горизонте – ведь Миша был всегда весел, добр и улыбался. Наверное, потому, что всегда был подвыпившим. А нам, ребятам, только этого и надо! Весело! Ведь он был очень похож на клоуна Карандаша из цирка, которого показывали в телике по выходным дням! Такой же курносый нос, небольшой росточек, вместо шляпы – потешная, не по размеру кепка, шатается, смеётся, шутит, даже станцует, если попросишь! Одно слово – клоун, Миша-дурачок! Мы его так и звали. Бегаем обычно вокруг и дразним: «Миша, Миша-дурачок, дай конфеток нам чуток! Миша, Миша-дурачок!». А он, пьяненький, улыбается и начинает шутейно пританцовывать. Притопывая ногами, кружится на месте, пристально и хитро глядя на нас, играя густыми, длинными бровями. Потом он демонстративно начинал их хмурить, пытаясь нас напугать. Но у него, на радость всем, получалось это очень даже забавно и смешно! Мы обычно начинали кричать и веселиться с ещё большим задором. Он же, раскинув руки, кидался к нам. Мы – с визгом враспынную. Бывало, и ловил кого случайно. Схватит, обнимет одной рукой – не вырвешься, другой рукой схватит за ухо и делает вид, что крутит. Чтоб других детей поугаждать, а тот, кому он якобы ухо отворачивает, всегда что есть мочи орёт, чтоб Мишка отпустил, да и «своих» чтоб посмешить. Ведь все знали – дурачок не обидит.

Потом для нас начиналось главное действие: надо было выманить у Миши из кармана конфеты или пряники.

– Миша, дай конфетку! – говорил кто-нибудь из нас.

– Нэ понимай! – обычно отвечал он, до колик в животе смеша нас и произнося слова на немецкий манер – с акцентом, как в военном кино. – Миша нэ турачок, Миша нэ понимать.

Всё начиналось заново. «Миша, Миша-дурачок, дай конфеток нам чуток! Миша, Миша-дурачок, дай конфеток нам чуток!». Но заканчивалось всегда всё одинаково. Доведя нас почти до слёз от смеха, Миша-дурачок раздавал все сладости из правого кармана и, устало улыбаясь, отходил в сторонку, к ближайшему месту, где можно было присесть. Доставал бутылку, наливал.

Дальше нам было неинтересно. Мы расходились по своим делам или уходили играть в другое место. Частенько Мишу-дурачка можно было увидеть утром следующего дня, спящим на том же месте, где он ещё вчера присел выпить после раздачи нам сладостей...

Лишь зимой его видели редко, потому что он почти всё время проводил в какой-нибудь из угольных котельных. Ведь про сибирские зимы рассказывать нет смысла. А кочегары – люди особые. Считалась эта работа самой грязной, тяжёлой и, если сказать очень мягко, не самой престижной. Места в тёплой котельной полно, выпить кочегар никогда не прочь. Потому и приживался там Миша.

Наступила очередная весна. Уже солнышко припекало по-настоящему. Ребяшня давно вылезла из валенок и ходила в «кирзачах» и резиновых сапогах. Кто-то даже рисковал надеть в эту грязь ботинки. Мы с другом моим Борманом (так-то его звали Лёхой, но уже никто не помнил, как досталась ему, худощавому, смуглому мальчишке, эта кличка. Может, потому, что он уже умел курить?.. Ну, в общем, Борман и Борман, мы его не дразнили, а называли так уже по привычке, он не обижался). Мы неторопливо шагали из совхозной пекарни, куда ходили поесть свежего, горячего хлеба. Тётеньки там были добрые, и, если рядом не было серьёзного начальства, никогда не отказывали детям – если попросить, давали по буханке горячего, пахучего хлеба. Его там было завались, на полрайона пекли! Вот это был хлеб! Сначала его засунешь за пазуху, чтоб не обжечься, прижмёшь к себе – погреешься. От него тепло настоящее идёт, пахучее, бодрящее, лечебное – силу даёт! А как остынет малость и устанешь глотать слюну – осторожно, чтобы не обжечься, начинаешь надкусывать корочку и хрустящую краюху. Обгрызёшь, а изнутри опять как дыхнёт теплотой! Это от мяготи. Вот начинаешь выковыривать мяготь – тоже вкусотища невероятная! Потом снова обгрызаешь по кругу ещё теплые, хрустящие бока. Так и заметить не успеваешь – а буханка-то и кончилась! Легко съедали, запросто! И что интересно: что белый хлеб, что чёрный, горячим вкусен одинаково!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.